

НИКОЛАЙ КОРОТЕЕВ

ДЕРДЕШ-МЕРГЕН

Задолго до назначенного времени я стоял на балконе гостиничного номера «Пишпека», как в старину назывался этот город, теперь столица Киргизии, — и смотрел вдоль двухкилометровой карагачевой пустынной аллеи бульвара Дзержинского. Солнце, едва поднявшись над горами, розово освещало заснеженный хребет Алатау. Стояла ранняя даже для Чуйской долины весна, деревья еще не распустились, и серые ветви гигантов светились на чистой лазури неба. Ярко сияли вечнозеленые миртовые кусты около памятника М. В. Фрунзе.

Я уже многое узнал о человеке, который должен был прийти ко мне, и ждал его с редким нетерпением.

Абдылда Исабаевич родился в начале века. В шестнадцатом году, когда царские власти спровоцировали уход части киргизов из Прииссыккуля в Кашгарию, он волею судеб оказался там, был продан в рабство, прожил в рабстве у мельника-уйгура несколько лет, бежал, вернулся на родину уже после Октября. Беспорочничал, и, как многих мальчишек того трудного и сурового времени, на ноги Абдылду поставил человек, работавший в милиции, — Федор Кириллович Мартынов. Его Абдылда почитал и звал отцом. Потом и сам Абдылда стал работать в милиции, так что в этом смысле считает себя потомственным милиционером. Более сорока лет Исабаев отдал оперативной службе, награжден орденами Красного Знамени и дважды Красной Звезды, медалями. Теперь он председатель Совета ветеранов МВД.

За пять минут до назначенного времени я увидел высокую стройную фигуру Исабаева меж деревьями в аллее. Минута в минуту он постучал в дверь номера. Мы сели за стол. Нас ждал чай — и черный и зеленый, — тогда я еще не знал вкусов Абдыллы Исабаевича. Говорил Исабаев не столь словоохотливо, сколь точно. Я попросил его рассказать историю о Дердеш-мергене, столь поразившую меня. Его речь потекла вольно, непринужденно, безыскусно, как мне показалось.

— Этот самый Дердеш-мерген, — без предисловий начал Исабаев. — Дердеш — его имя, а мерген — по-русски охотник. Не просто охотник — великий охотник. Он был бедняк, работал кузнецом. Кузнец очень нужный, уважаемый человек в аиле. За много верст ездили к нему по делу, большим был он мастером. Сыновей имел — двух, двойняшек к тому же. Но родились они уже без него, когда его украли. Связанного, скрученного по рукам и ногам переправили через границу и заставили работать на банду басмачей. Пригрозили, что вырежут его семью. А Дердеш хорошо знал, что сделать это бандитам ровным счетом ничего не стоит. Имелся у басмачей даже специальный человек, который с удовольствием выполнил бы такое поручение. И не по злобе на Дердеша, а по характеру. Крохотный такой человечешко, пристрастившийся к убийствам. Звали его Осман-Савай. Самые гнусные казни, самые подлые дела поручал ему главарь банды басмачей Джаныбек-казы. Казы — это судья. Судьей был Джаныбек в царское время.

После революции собрал Джаныбек банду — самую грозную в Южной Киргизии. А когда изгнали басмачей из Советской республики, Джаныбек-казы базировался в Кашгарии, в Западном Китае. Там и обосновался бывший казы, собрал людей, бежавших от Советской власти — кулаков-баев, торговцев, духовенство, недовольных и обманутых, сброд всякий.

Имелся у курбаши — предводителя банды, — у этого самого Джаныбека, тайник, где держал он свои сокровища — все награбленное и захваченное в набегах. Складывались там и пришедшие в негодность японские и французские винтовки, которые продавали англичане. Плохо были обучены басмачи-джигиты у Джаныбека. С оружием обращались будто с палками — очень быстро выходило оно из строя. Только казы не бросал его, а берег. Знал, что рано или поздно найдет он оружейника, который приведет винтовки в порядок. Не один кузнец перебивал у него, но были они, наверное, безрукими и безголовыми. А курбаши хотел иметь искусного мастера, чтоб тот все мог сделать, чего ни захочет казы.

Мы прослышали кое-что о сокровищнице и оружейном складе Джаныбека, пытались найти его. Окрестные горы облазили, скалы осмотрели, пещеры и пещерки ощупали, но никак не могли обнаружить ни оружия, ни сокровищ, ни продовольствия, которое в ту пору ценилось выше золота и драгоценных камней, дороже самой ценной сбруи и изукрашенных мастерами-умельцами седел. И передавали взятые в плен басмачи, что находится тайник этот не в Кашгарии, а на территории нашей республики. Большого никто не знал. Мы — милиция — подумывали: «Уж не сказка ли этот тайник, не выдумка ли это самого Джаныбека, не желает ли он пустить нас по ложному следу... Да и китайцев, кстати, обмануть». Похоже было, и они искали склад: кому не хочется поживиться за счет ближнего, особенно если прячет он сокровища в чужом для него доме, потихоньку от самого хозяина.

Шло время. Мы уверились — существует тайник и находится на нашей, советской земле. Пленные показали: пятнадцать преданнейших джигитов своих велел зарубить Джаныбек, а именно они — божились сдавшиеся — долгое время и стаскивали в секретную казну золото, драгоценности, продовольствие и оружие, новое и старое, которое можно починить. И будто бы лишь четверо в

многотысячной банде знали, где хранятся сокровища. Сам Джаныбек, старший сын курбаши, а третьего и четвертого и по имени никто не ведал.

В начале тридцатых годов приток в банду Джаныбека усилился. Оружия стало не хватать. Английские эмиссары, которыми кишмя кишел Западный Китай, в долг давать оружие не желали, требовали золото. Оно у Джаныбека было в тайнике. Вот достать его и послали Дердеш-мергена. Не одного, не в одиночку, а придали ему то ли в помощники, то ли для охраны того самого крошечного, похожего на обезьяну палача-джельдета, которого звали Осман-Савай. Наказ курбаши Джаныбека был строг. Самого джельдета к сокровищнице не подпускать и на пистолетный выстрел. Хорошо знал своего джельдета Джаныбек. Осман-Савай, узнав о сокровищнице, и деньги бы забрал и Дердеш-мергена убил бы.

Сведения о том, что Дердеш-мерген и Осман-Савай перейдут нашу границу и пойдут к сокровищнице Джаныбек-казы в Джушалинском ущелье, мы опять получили от пленных. Но скрываться Дердеш-мерген и Осман-Савай будут в Булелинском ущелье. Тянется оно километров на сорок, поросло тополями, выше — елями. Но главной его особенностью являлся вход — узкая расселина шириной метров сорок. Поставь там один пулемет, так его огонь мог сдержать целую дивизию. Мышь не проскользнет незамеченной. И ясно стало, что вход в ущелье будет тщательно осмотрен и останется под постоянным наблюдением Дердеш-мергена до конца операции. Иными словами, любая наша попытка установить тайное наблюдение за посланцами Джаныбек-казы заранее обрекалась на провал. А иной дороги, скрытого пути в это ущелье нет. Снежные горы, пропасти и скалы кругом. Много недель потратишь на их преодоление. И пройдешь ли живым — неизвестно.

Решили действовать в открытую. Днем и ночью патрули ездили по тропам в ущелье, наблюдали за склонами в бинокли, присматривались к поведению животных: диких козлов — теке, горных баранов — архаров. Но они не изменяли своим привычным путям, не выказывали никакого беспокойства, пугливости. И четверо снежных барсов — ирбисов ночной порой пересекали ущелье со склона на склон по своим привычным тропам, ступая след в след. Лишь очень тщательный осмотр следов на осыпях, по которым ступали ирбисы, позволял отметить их перемещения то на солнечный склон ущелья — кунгей, то на теневой — терскей.

Ничто, казалось, не нарушало обыденной жизни зверей. Походило — нет никого в ущелье. Не могли же архары, теке и барсы не почувствовать притаившихся людей, место их таинственного пребывания. Даже ни одна пичуга не вскрикнула тревожно ночью. А ведь в сторожкую тишину вслушивались по пять пар очень внимательных, привычных ушей патрульных, жителей гор. Каждый из них был хорошим охотником и следопытом, знатоком повадок зверей и птиц. Но ничего ни днем, ни по ночам не нарушало от века заведенного порядка.

— Нет никого в ущелье! — в один голос твердили патрульные. — Нет никого! Или шайтан, дух какой-то, а не человек, ухитряется там скрываться...

— Там Дердеш-мерген! — говорил я им. — Великий охотник!

— Охотник — это охотник, — отвечали мне. — Даже знай он язык зверей и птиц, они все равно учуют человека. Мы уже различаем морду каждого козерога,

и они, наверное, узнают нас. Только ни в одном месте ущелья они не выказывают ни тревоги, ни осторожности. Нет там мергена, будь он самым великим охотником.

Тем временем деятельность банд, укрывшихся за границей, усилилась. Что ни день — басмачи насакивали на айлы. Жгли семена хлопка, подготовленные для посева, расправлялись с советскими работниками, коммунистами и комсомольцами. В селах создавались отряды самообороны.

Я тогда работал начальником райотдела милиции. Но в райотделе только зарплату получал, а все время находился в летучем отряде по отражению нападений банд басмачей. В отряде пять или шесть комсомольцев насчитывалось, остальные старики — кому за пятьдесят, кому больше.

Это я смолоду глядел на пожилых людей, как на стариков. Теперь, когда самому за семьдесят, я стариком себя не считаю. Когда надо бывает, я и сейчас сажусь в седло и еду в горы, где ничего, почитай, не изменилось — те же тропы, те же ущелья, даже камни со своих мест не сдвинулись. И я легко нахожу дорогу, провожу людей, Видя неизменность гор, забываю о годах. Только глядя на бурлящие речки да ручьи, русла которых подались кое-где от прежних берегов, чувствуешь время. Тогда понимаешь, сколько лет прошло.

Странные, очень странные минуты переживаешь тогда. Веришь и не веришь в то, что было, и было так давно. А вернешься в город, словно перескакиваешь в будущее, о котором мечтал я и те, кто погиб, и смотришь на прекрасное настоящее и своими и их глазами, точно живешь и за них...

— Да... — протянул Абдылда Исабаевич, глядя за окно карими, совсем не стариковскими, очень ясными глазами. В ярком еще предвечернем небе плыл крохотный издали скоростной лайнер, мигая бортовыми огнями.

Не такой уж непродуманной Исабаевым представилась мне наша встреча и беседа. (Недаром Абдылда Исабаевич просил время на размышление.) Старый полковник сумел построить свое повествование задушевно.

— Не проходило дня, чтоб мой отряд не участвовал в стычках с басмачами. А если и случалось такое, бойцы беспокоились. Как это мы не у дел? Или собаки-басмачи задумали какую-либо коварную хитрость, собирают силы, или устали от нас бегать, за границу ушли? Только последние опасения оказывались напрасными, и уже поутру мы аллюром мчались в какое-либо село вышибать басмачей, запасаться трофейным оружием для отрядов самообороны.

Да, сами мы не могли похвастаться вооружением. Во всем отряде только я имел маузер, а у остальных — трехлинейки да по шестьдесят патронов на брата, через одного — по гранате — «бутылке» с тонким чехлом. И хорошо, если третья из них разрывалась... Больше на испуг брали. У каждого же басмача по такому маузеру, как у меня, — это кроме винтовки, — по двести патронов у каждого головореза, гранаты английские — лимонки, резные, чугунные, каждая разрывалась. Только вооруженными до зубов, осмеливались басмачи нападать на айлы, жечь, грабить и убивать.

Однажды отправились мы в Булалыкский сельсовет, что в двадцати километрах от Гульчи находится. Приехали. Собрал я в сельсовете ячейку — председателя сельсовета, парторга, комсомольского вожака. Создать надо, говорю

им, легкий кавалерийский отряд, чтоб и самим жителям аила от басмачей отбиваться можно было. Записалось двадцать пять человек — немало.

— Дело сделано, — говорит председатель сельсовета, — обедать пошли.

А мне не до еды. Разобраться надо, что за люди попали в отряд. Остался я, документы изучаю: кто есть кто? Сижу один. Уж и смеркаться стало. Вдруг — стук в окошко.

— Заходи! — кричу.

Вскоре дверь приоткрылась, в кабинет несмело вошел парень. Красивый такой, стройный, а лицо у него то покраснеет от волнения, то побледнеет.

— Я в отряд хочу...

Взглянул я на парня повнимательнее — здоровый малый, смелый, видно, глаза блестят, такой не побоится пули, первый в схватку ринется. Только почему же нет его среди названных мне людей? Забыли про него? Не похоже. Но со всеми я уже повидался.

— Как зовут тебя?

— Джумалиев Абдулла...

— Комсомолец?

Потупился парень, голову опустил:

— Не приняли...

— Что так?

— Дядя мой у басмачей одиннадцать лет работает...

— Дядя?

Парень кивнул:

— Кузнец он... Его, говорят, насильно увезли... А меня в комсомол не принимают. Разве может быть в комсомоле родственник басмача? А я дядю и в глаза не видел, не знаю совсем.

— Дядю твоего как зовут?

— Дердеш-мерген зовут.

— Слышал. Знаю, что насильно бедняка в банду увезли. А сейчас где он?

— Люди говорят, будто где-то на нашей стороне прячется. А мать твердит: «Не может этого быть...»

— Почему же? — заинтересовался я.

— Очень он детей иметь хотел, а когда они родились, его уже украли. Не видел он своих сыновей...

— Ты садись, садись, Абдулла. По порядку расскажи.

Парень неловко присел на край стула, совсем не привычной для него мебели, поерзал, устраиваясь.

— Так что же апа говорит?

— Моя мать и жена Дердеш-мергена не верят, будто он где-то здесь находится. Не хотят верить.

— Не хотят верить?

— Перешел бы он границу — обязательно появился бы дома. Сыновей увидеть постарался бы. Когда его утащили басмачи, не родились еще его сыновья. Совсем не видел он их. И если бы оказался в здешних краях, непременно пришел их проведать. Одиннадцать лет он в разлуке с родными. Вот поэтому моя мать и

жена Дердеш-мергена не верят, будто он где-то здесь.

Глаза Абдуллы были чисты и ясны, не мог врать человек с таким взглядом. Много к тому времени довелось повидать мне разных людей, сотни пар глаз смотрели на меня, пытаюсь прочесть по моему виду: верю я им или нет? Разные то были глаза, и взгляды разные: узкие щелочки, утонувшие в жирных щеках; холодные и немигающие, словно змеиные; мутноватые от ненависти; тупые и испуганные — у обманутых и оболганных... Сколько глаз!

И еще, когда на карту поставлены жизнь и свобода, очень редко кто из людей может или умеет притворяться. А когда, где и у кого молодой парень, бедняк мог бы научиться так нагло лгать?

— Как же так получилось, что своего дядю ты не знаешь? — все-таки спросил я. — Когда его увезли, тебе шесть лет было...

— Мы с матерью уж потом помогать тетке приехали. Тогда двойняшки уже родились. Мы помогать им приехали. Вот жили и помогали...

— Чем же вы кормитесь?

— В колхозе работаем, тем и кормимся. Я после занятий в школе тоже в колхозе работаю. Что заставят, то и делаю. Говорят, хорошо делаю, нам еду дают.

— А как ты учишься?

— Хорошо учусь. Мне двенадцать человек взрослых отстающих поручили. Помогаю им ликвидировать неграмотность.

Признаться честно, тогда у меня никакой мысли не было, чтоб с помощью Абдуллы установить связь с Дердеш-мергеном, если он действительно перешел границу и находится на территории республики. Хотелось восстановить справедливость. Неправильно отнеслись к Абдулле односельчане. Ведь, можно сказать, на глазах у дехкан басмачи уволокли связанного Дердеш-мергена. Едва справились с ним десятеро джигитов курбаши Джаныбека, под дулами маузеров угнали кузнеца, грозили прикончить беременную жену. И подмоги Дердеш-мергену ждать было неоткуда. Отряда-то самообороны в аиле тогда не существовало.

В тот же вечер побеседовал я с коммунистами и комсомольцами села. Потом разобрался с делом Абдуллы в райкоме. Приняли Джумалиева в комсомол. А через две недели секретарь сельской ячейки ушел добровольцем в армию, молодежь избрала Абдуллу своим вожаком. И уж по традиции стал Абдулла командиром легкого кавалерийского отряда односельчан.

Сблизился я с парнем, нравился он мне день от дня все больше, доверие к нему стало полным.

И постепенно созрела у меня мысль — наладить связь с Дердеш-мергеном, проверить, что же это за человек — «правая рука» курбаши по оружейному делу. Смирится ли честный человек со своей судьбой пленника, или источилась его совесть за одиннадцать лет жизни в холе и достатке — за пазухой у хитроумного Джаныбек-казы?

То, что сам Дердеш-мерген добровольно не явится с повинной, мне было ясно. Издай хоть десять законов, в которых будет сказано, что пришедшие с повинной будут помилованы, приведи десятки примеров — не убедишь, увидят в этом западню, ловушку.

С тем, кто не верит в человечность и благородство, нужно личное общение, нужен контакт. Только тогда услышанное от кого-то перестанет быть отвлеченностью, и то еще, может быть, не до конца и не сразу. А как установить контакт? Каким образом встретиться на равных с человеком, который считает себя преступником, а тебя судьей или — еще хуже — смертельным врагом, от которого его может избавить лишь твоя смерть? И все-таки такую связь с Дердеш-мергеном установить было необходимо, считая шансы «за» и «против» равными. В случае удачи восторжествовала бы справедливость. А разве не за правду и лучшую жизнь для дехкан боролись мы? Стоило рисковать еще и потому, что в случае успеха мы лишали одну из крупных банд возможности вести борьбу. Нищий Джаныбек-казы уже не курбаши. Вся сила его в том, что он может платить, давать оружие, кормить. Отними у него эту силу — и Джаныбек-казы не будет стоить и верблюжьего плевка.

Новых сведений о пребывании Дердеш-мергена в урочище не поступало. Патрули не находили следов его присутствия. Там будто призрак, а не человек обитал среди неприступных скал. А каждый прошедший день грозил одним — могло прийти сообщение, что Дердеш-мерген и Осман-Савай, выполнив поручение, возвратились за границу, в Старый Аксу, и принесли Джаныбеку деньги на покупку оружия. Тогда дехкане надолго потеряли бы покой от новых набегов басмачей, а мы наверняка навсегда утратили бы возможность найти тайную сокровищницу курбаши. Кто помешал бы Джаныбеку разделаться с Дердеш-мергеном, решив, что тот слишком много знает?

Я отправился в Ош и доложил обо всем передуманном своему начальству. Товарищи согласились, что мне надо непременно увидеть Дердеша. Вернувшись в райцентр, принялся за дело.

Абдулла Джумалиев, которого я пригласил, не замедлил явиться на вызов. Он сел на табуретку верхом, словно в седло, а каблуками зацепился за планки внизу, будто ноги в стремя сунул:

— Слушаю вас, начальник.

Вынув из стола пиалы, я плеснул в них чай, не наполнив и на четверть: то был и знак уважения к собеседнику, и своеобразный намек на то, что разговор предстоит не короткий. Таков в народе обычай: полную пиалу наливают гостю, от которого хотят поскорее избавиться: «Пей да проваливай!» А тому, кому рады, лишь плеснут, покрыв дно. И хитрая поговорка есть на этот счет: мудрость на дне пиалы. Наливая чай, задают и вопрос, а ты не торопись пить, но и не медли с ответом.

— Скажи, пожалуйста, Абдулла, ты веришь, что Дердеш-мерген непременно придет к детям, если представится такая возможность?

Пиала задержалась у самых губ Абдуллы. Он отхлебнул совсем маленький глоточек, потом еще, и глаз его я не видел. Сделав еще глоток, парень степенно сказал:

— Моя мать в это верит. Жена мергена в это верит. Другие люди уже сомневаются в слухах, будто Дердеш-мерген рядом, а к семье не зашел, не проведал своих сыновей. Он же их не видел. Ни одним глазом не видел! Будь я на его месте, то обязательно сумел бы повидать сыновей. Иначе что скажут они об

отце? Плохо скажут. Поэтому я верю: пришел бы Дердеш-мерген.

— А если не страх удерживает Дердеш-мергена? Если не столько страх быть пойманным, сколько совесть?

— Совесть удерживает Дердеш-мергена? — задумчиво повторил за мной Абдулла. — Совесть... Смеет ли он, человек, пусть невольно, не по своему желанию связанный с кровавыми делами басмачей, явиться в свой дом и ласкать своих детей?.. — Абдулла отпил последний глоток и машинально передал мне пиалу.

— Я только предполагаю, Абдулла, — сказал я и плеснул чаю в пиалу. — Разве может кто-нибудь знать это, кроме самого кузнеца?

— Никто не может этого знать, кроме самого Дердеш-мергена... — согласился, кивнув, Абдулла. — Никто, кроме самого...

И тут я увидел его глаза, глаза полные надежды и радости. Ведь Дердеш-мерген был ему ближайшим родственником, и надо хорошо знать, что такое для киргиза родство, чтобы понять, как много для Абдуллы значило: продал Дердеш себя с головой Джаныбеку или одиннадцать долгих лет ждал кузнец часа, той минутки, чтобы протянули ему руку помощи?

— Скажи, Абдулла, тебе бы не хотелось узнать это точно?

— Мне очень хотелось бы знать это точно. И детям его обязательно нужно знать.

— Всем людям нужно. Любой человек, который вернулся к нам оттуда, — наша победа. Победа справедливости и добра.

— Что надо сделать, Абдылда-ака?

— Пей чай, думать будем...

Предложение было серьезным, и Абдулла взял в руку пиалу, вновь постарался спрятать за плавными движениями юношескую горячность, прорвавшуюся в торопливом вопросе.

Чаю хватило на четыре глотка. И я сказал:

— Надо достать юрту.

— У нас есть юрта, Абдылда-ака.

— Хорошо, что у вас есть юрта. Я договорюсь с трестом «Памирстрой», что ведет дорогу на Хорог, а твоя мать и жена Дердеш-мергена с детьми будут там заготавливать дрова. Для стройки. Ты им будешь помогать в свободное время.

Я заговорился и налил пиалу Абдуллы едва не до краев, но он не обратил на это внимания, выпил чай жадно, словно только теперь почувствовав душную жару в кабинете.

— Тогда Дердеш-ака сразу придет проведать семью, посмотреть на сыновей, которых он еще не видел! — воскликнул племянник мергена.

— Не сразу, Абдулла, не сразу... — Я постарался остудить его горячность: — Он сначала непременно подумает, что юрта, в которой живет его семья, появилась в ущелье неспроста. Он наверняка заподозрит там западню.

— Сколько же он будет разубеждаться? Разве он забыл свою жену? Не узнает сестру?

— Не знаю. Может быть, много дней пройдет, пока он убедится, что западни в юрте нет. А мы будем ждать. Ты будешь терпелив. И каждый день по дороге в село

ты, Абдулла, будешь на выезде из ущелья в пять часов утра. Спрятав коня в кустарнике, спустишься под мост. Я буду встречать тебя там. Ты скажешь, приходил дядя или нет. И как он вел себя, появившись дома.

Так мы и сделали. Женщины с помощью Абдуллы перевезли и поставили в ущелье юрту, в трестовском магазине им выделили продукты: мясо, чай, сахар. С продуктами трудно было, народ голодал, но строителей неплохо снабжали.

Прошло двадцать три дня. Мы встречались с Абдуллой в условленном месте. От свидания к свиданию мрачнел Абдулла: не появлялся Дердеш-мерген.

— Забыл дядя семью. Не хочет он видеть сыновей, — все чаще и чаще говорил Абдулла. — Совсем басмачом стал.

— Послушай, Абдулла, — сказал я ему при последней встрече. — Ты сегодня ночуй в селе. А к матери заедешь на восходе, когда проедет по урочищу утренний патруль. После пяти часов.

— Почему, Абдылда-ака?

— Ну какой я ака? Тебе семнадцатый, мне двадцать седьмой идет. Говори — «товарищ».

— Хорошо. Почему мне нужно ночевать в селе, джолдош Абдылда Исабаев?

— Дядя тебя не знает, джолдош Абдулла. Он, наверное, думает, все время в юрте кто-то посторонний ночует. Неспроста.

Как может быстро меняться выражение лица у человека, как в одно мгновение настроение становится совсем иным — мрачного Абдуллы как не бывало, глаза загорелись, а на бледных щеках заиграл румянец:

— Ай, правильно, Абдылда-ака! Ай правильно!

«Правильно-то правильно, — думал я. — А если возьмет да и уведет Дердеш-мерген свою семью в Китай, в банду Джаныбека? До границы отсюда рукой подать — за ночь дойти можно... Бросят они юрту и налегке наверняка доберутся. Не слишком ли доверяешь, Абдылда, человеку, который пробыл у Джаныбека одиннадцать лет? Может быть, он не только всего насмотрелся, но и ко многому руку приложил? Ой, смотри, ойрон, Абдылда...»

Не спал я ночь. Не мог уснуть. Еще светать не начало, как я выехал из дома и подъезжал к мосту задолго до условленного срока. Конь то топнет копытом по пыли, то цокнет по камню. Тихо, еще и ветер не просыпался. Облака дремлют около высоких скал, точно кони у коновязи. Понурые серые кони в предутренней мгле.

Вдруг — треск в кустах джерганак. Кто-то напролом через непролазную чащу бежит. Я схватился за маузер. Гляжу, Абдулла выскочил.

— Джолдош Абдылке! Джолдош Абдылке! — кричит.

Спрыгнул с коня и — к нему. Сначала и не пойму никак, почему он так кричит. По-русски это все равно, что «дорогой товарищ Абдылда». Не обращался он раньше ко мне так. Запыхался Абдулла, и не разберешь, от горя ли, от радости он спешит. Подбежал, на лице у него царапины от колючей облепихи, по-киргизски ее джерганак зовут.

— Был! Приходил дядя!

Схватил меня Абдулла, хохочет, обнимает. Ну, совсем мальчишка!

— Успокойся, — сказал я. — Отдышись и рассказывай.

А он все успокоиться не может — обнимает и хохочет:

— Приходил дядя!.. Под утро пришел!.. Явился!..

— Хорошо, Абдулке, хорошо. Успокойся и рассказывай.

— Явился! Явился!

Сели мы на камни при дороге. Вытер я кровь на лице Абдуллы, что из царапин сочилась. Сначала лопотал он довольно несвязно, однако успокоился и передал, что услышал о встрече.

— Явился кузнец в юрту, женщин разбудил, они — детей. Пока женщины хлопотали у дасторкона, чай готовили. Дердеш-мерген посадил двойняшек, мальчишек своих, к себе на колени. И сидел молча. Дичились сначала его сыновья. А он, прижав их головы к своей груди, молчал и вздыхал. Подали женщины чай, а он не отпустил своих двойняшек с колеи, взял пиалу и спросил: «Двадцать три дня я наблюдал за вами, был около вас. Думал, приготовили мне западню. Кто-то посторонний ночевал у вас. Кто он?» — «Сын мой, твой племянник Абдулла», — ответила моя мать. — «Взрослый уже, совсем мужчина, — сказал кузнец. — Увидеть его хочу. Пусть придет он ко мне, слышите, женщины? Этой ночью буду ждать его в ущелье. За час до восхода луны, около караташа — черного камня. Знаете, где караташ, женщины?» — «Абдулла знает», — ответила мать. И опять молча сидел кузнец. Женщины не спрашивали его ни о чем. Потом посмотрел Дердеш-мерген вверх, увидел в чамгарак — отверстие в потолке юрты, — какого цвета стало небо, сказал, что пора, скоро патруль поедет по ущелью, поцеловал сыновей и ушел...

Так сказал мне Абдулла.

«Поведение Дердеш-мергена можно толковать по-разному, — размышлял я. — Он чрезвычайно осторожен. Справедливо одно — он действительно очень любит своих детей, если двадцать три дня ждал возможности навестить их. Однако его могли задержать и другие причины, о которых мы ничего не знаем. И неизвестно, где Осман-Савай. Куда подевался этот джелдет — палач? Вряд ли кузнец посвятил его в свои намерения, что выжидает удобного случая повидать сыновей.

Но раз дело начато, его необходимо довести до конца. Важно: зачем Дердеш-мергену понадобилось свидание с племянником? Захочет ли кузнец считать его своим родственником, когда узнает, что Абдулла — секретарь комсомольской ячейки и командир легкого кавалерийского отряда по борьбе с басмачами? Как он отнесется к этому?

Допустим, кузнец не станет вредить Абдулле — родственник все-таки, племянник, единственный как-никак. А если Дердеш-мерген хочет сманить родню к басмачам? Пусть свидание все решит. Кузнец уверен: Абдулла не приведет с собой врага дяди — не простят ему этого ни жена Дердеш-мергена, ни мать, ни сыновья оружейного мастера...

Свидание все решит, конечно, если Дердеш-мерген будет искренен и откровенен, если у него нет особого задания — выманить к себе меня, кого басмачи слишком хорошо знают. Джаныбек-казы не слепой котенок. У него есть, во всяком случае, могут быть, свои люди в аилах. Курбаши может знать о нашей дружбе с Абдуллой и использовать ее во вред мне, делу. И все-таки если «правая рука» курбаши даже не выскажет пожелания увидеться со мною, Абдулла должен

будет договориться о моей встрече с кузнецом».

Размышлял я так долго, что веселое и радостное настроение Абдуллы улетучилось. Он глядел на меня с тревожным ожиданием, понимая: в эти минуты решалась не только судьба его дяди, но и его тоже, если дядя стал басмачом.

— Надо пойти на свидание, — сказал я. — Тебе одному.

— Надо пойти, — согласился Абдулла.

— Только это не просто встреча с родственником, — предупредил я и объяснил, как вести беседу с Дердеш-мергеном.

Потом Абдулла повторил мои советы, и особо просьбу к женщинам. Им следовало хорошо встретить гостя: приготовить мясо и всякое другое угощение.

— А что будет потом? — спросил Абдулла.

— Если Дердеш-мерген честный человек, скажешь ему обо мне. И тут моя жизнь будет зависеть от тебя, от твоей сообразительности.

— И кто вы есть, сказать дяде?

— И кто я есть — сказать. Хотя он, наверно, слышал обо мне.

— Хорошо, — тихо проговорил Абдулла.

— Я хочу увидеться с ним. Надо.

— Увидеться? — встрепенулся Абдулла.

— Непременно!

— Я передам — «непременно».

— Ты попросишь его увидеться со мной... Сам ты не боишься встречи с дядей?

— Я? Нет...

Мы расстались. И снова сомнения не давали мне покоя: правильно ли поступил я? Не подставил ли под удар Абдуллу? Басмачи на деле не очень-то ценили родственные связи, хотя и всячески рекламировали свою приверженность к исламу и считали себя правоверными мусульманами. Впрочем, когда люди слишком истово клянутся и божатся в приверженности какой-либо вере, то, по сути, поступают против нее и доходят до изуверства.

Едва я вернулся после разговора с Абдуллой в сельсовет, басмачи будто взбесились. Весь день наш отряд вел бой с одной из банд, и ночью мы не знали покоя. А утром узнали, что отряд Джаныбек-казы вчера наскочил на Гульчу. У многих бойцов в райцентре оставались семьи. И моя тоже была там. Мы прискакали в Гульчу уже после того, как подоспевший на выручку другой отряд изгнал басмачей, пожары погасили и похоронили убитых.

Я соскочил с коня у своего дома, вбежал внутрь. Пусто. Ни жены, ни дочери. Все, что можно было исковеркать и изрубить, изрубили и исковеркали.

Ярость и смертная тоска овладели мной: жену и малолетнюю дочь увели в плен! Я закрыл лицо руками, ноги подкосились...

В гостиничном коридоре, где-то вдалеке, натужно гудел пылесос — чистили ковры. Басовито гукнул тепловоз на близких железнодорожных путях.

Исабаев глядел в окно. По взгляду ветерана чувствовалось, что мысли Абдылды Исабаевича были далеко.

— Так вы их и не нашли? — спросил я у Исабаева.

Абдылда Исабаевич отпил маленький глоток чаю:

— Отчаяние овладело мной. Вдруг вижу, сыплется на шесток из печной трубы сажа. Думаю, басмач недобитый спрятался.

— Вылезай! — закричал, маузер выхватил.

А на шесток женские ноги ступили, детские потом. Это жена с дочкой от бандитов спрятались. Почти сутки простояли они на коленях в печной трубе, пошевелиться боялись. Пособил я им выбраться, а жена и дочь слова вымолвить не могут, даже плакать у них сил нет. Обомлели.

Обнимаю я их, бормочу ласковые слова, а в мозгу ощутимо, будто пульс под пальцами, бьется мысль: ведь люди, убитые в нашем селе, и те, что погибли вчера и позавчера и во все эти годы, может быть, поражены из оружия, которое отремонтировал Дердеш-мерген! И хотел он этого или не хотел — он тоже виновен в гибели ни в чем не повинных дехкан! Лучше бы принять ему смерть в те минуты, когда его увозили — пусть против воли, — а не беречь свою жизнь!

Нехорошо стало у меня на душе... Ой как нехорошо. Но понял я, что идти с такими мыслями на встречу с Абдуллой и готовиться к свиданию с Дердеш-мергеном нельзя. И коли не поборю в себе такое настроение, то надо пойти к начальству и сказать, чтоб дело с кузнецом доводил до конца другой человек.

Моя жена готовила еду, а я сидел, держа дочь на коленях, прижав ее голову к своей груди, и думал, что поеду я к своему начальству в Ош и откажусь от дела с кузнецом. Представил я себе, как приду в управление и как скажу обо всем, и что мне ответит начальник. «Ты коммунист?» — спросит он меня. «Да». — «А кем ты бил? И кто тебя, бывшего мальчишку-раба, сироту и беспризорника, бросил на произвол судьбы?» — «Такого не могло уже быть. Люди из рода большевиков, как говорили тогда киргизы, не могли бросить человека на произвол судьбы». — «Вот, — скажет мне начальник, — ты думаешь поступить так, как не должны поступать люди из рода большевиков. Прав ли ты?» Мне нечего будет ему ответить. И еще он скажет: «Ты — коммунист, и дело, которое тебе поручено, лишит Джаныбека его силы и власти, лишит денег, оружия и продовольствия. Все награбленное Джаныбеком ты вернешь дехканам. Как ты можешь думать об отказе от дела, которое тебе поручила партия?» И снова ответить я бы не смог. Лишить Джаныбека денег и оружия значило предотвратить тысячи убийств, спасти кров тысячам дехкан, дать им спокойную жизнь

Вечером я простился с женой, поцеловал спящую дочурку и отправился на встречу с Абдуллой.

Он ждал меня в условленном месте, под мостом. Абдулла старался казаться спокойным, но ему это плохо удавалось.

— Дядя хочет встретиться с вами, джолдош Абдылда! — выпалил он, едва я подошел.

— Все ли ты ему рассказал?

— Все, Абдылда-ака.

— Не торопись, джолдош, отвечай по порядку.

— Он гора, а не человек. Он уже ждал меня, сидел у камня, а я подумал, что в темноте вдруг камень вырос в два раза. И испугался, когда скала протянула ко мне руки. «Не бойся, — сказал он. — Это я — твой дядя». Он посадил меня к себе на колено, а голова моя едва до груди ему доходит. Руку свою на плечо положил, мне

показалось, что его ладонь шире моей спины. «Как живешь?» — спросил он. Я ответил — и про колхоз, и про комсомол, и про то, что я командир добротряда, что учусь и других учу. «Кто тебе помог таким стать?» — спросил дядя. «Есть один человек», — ответил я. И про вас, джолдош Абдылда, рассказал. «Можно мне встретиться с этим человеком?» — спросил дядя. «Он должен прийти к вам или вы к нему?» — тоже спросил я. «Пусть он придет сюда ночью один, как и ты, — сказал Дердеш. — Я сумею проследить, один он придет или нет. Так ему и скажи. Я не попадусь в ловушку».

Мне тогда подумалось: «А если Дердеш готовит западню для меня? Если на встречу придет не он, а джельдет Осман-Савай? Или оба вместе?»

Абдулла между тем продолжал:

— «Зачем вам с ним встречаться, Дердеш-ака? Не надо. Нас трое молодых. Ваши сыновья да я. И мать моя, И жена ваша, мы все хотим с вами жить. Заберите нас в Кашгарию. Вы там живете, и мы станем там жить».

Столкнул меня дядя с колен: «Я одиннадцать лет с волками живу! Ты тоже волком хочешь стать? Сумасшедший ты? Ты здесь человеком стал, тебя Советская власть учит. Ты работу имеешь, а хочешь зверем быть? Басмачи грабят и головы рубят, так ты тоже хочешь бандитом стать? Пусть сам я пальцем никого не трогал, в набеге не ходил, а коней ковал, оружие чинил, а они им убивали. Думаешь, я своих сыновей волками хочу видеть?»

— Так ли он говорил, Абдулла? — спросил я.

— Так, джолдош Абдылда. Слово в слово.

— Он первым попросил встречи со мной?

— Первым, джолдош Абдылда.

Это мне не понравилось, насторожило. «Уж не исмаилит ли Дердеш?» — подумал я. Есть такая, секта мусульманская. Исмаилиты были коварными врагами Советской власти в то время. Не существовало невыполнимого приказа для исмаилита, даже если бы исмаилиту понадобилось собственными руками убить своего сына. Больше того, чтоб скрываться и быть полезным секте, исмаилит мог принять любую другую веру, служить тому, кому самому мюриду выгодно, или выполняя задание своего старца пира: «Мюрид в руках пира подобен трупу в руках обмывателя трупов»...

Стук в дверь номера прервал Исабаева. Горничная принесла свежий чай.

Воспользовавшись тем, что рассказчик умолк, я спросил:

— И вы, несмотря ни на что, пошли на эту встречу? Или дело обернулось по-другому?

Исабаев ответил мне не сразу. Он неторопливо смаковал свежий чай, тонкий аромат которого наполнял гостиничный номер.

Но нетерпение мое было велико, я повторил вопрос:

— Вы, зная о возможной ловушке, все-таки пошли на свидание с Дердеш-мергеном?

— Нельзя подняться, если не упал; нельзя победить в себе страх, не испытав его. Конечно, я пошел на свидание с Дердеш-мергеном. Я выполнял приказ. И мое сердце приказывало мне то же, — сказал Исабаев. — Вряд ли дурной человек стал бы ждать двадцать три дня встречи с детьми.

Однако как бы иначе он выманил меня? Конечно, не прошли мимо ушей курбаши сведения — при встрече со мной погиб его старший сын! Уже одного этого достаточно для мести, чтоб голову мою выбросили из мешка к ногам Джаныбека. А сколько джигитов недосчитывалось в его банде после каждой схватки с моими добротрядцами! Сколько раз сам курбаши едва уносил ноги от нас! Возможно, я пойду на свидание с существом, у которого холодное сердце змеи. Не поэтому ли с ним явился сюда Осман-Савай?..

«Не слишком ли много я думаю об опасности?» — спросил я себя.

Абдулле я сказал:

— Встречусь с Дердешем. Место пусть он сам назначит.

Мне понадобилось снова съездить в окружной центр — Ош.

Начальство подумало, посоветчалось и решило: главное — переход Дердеша к нам и обнаружение сокровищницы. Мне приказали действовать по обстановке.

Снова я увиделся с Абдуллой. Парнишка сказал, что Дердеш-мерген будет ждать меня в час ночи в ущелье, около того же камня, у караташа.

Знал я это место и камень знал. Он торчит у берега ручья. Узкое ущелье там расширяется, и издали можно приметить человека. Правда, до восхода луны еще много времени оставалось, и как увидеть сидящего в тени человека, мне было непонятно. Однако мерген есть мерген — великий охотник, и если он уверен — увидит меня и, конечно, проследит заранее, чтоб ему не попасть в западню.

Вместе с Абдуллой в магазине «Памирстроя» мы купили мяса, сахару, конфет, печенья, и я попросил передать женщинам, чтобы они хорошо подготовились к встрече гостя.

От юрты, где жила семья Дердеш-мергена, до караташа километров пять. Проехал последний патруль. Я оставил коня у юрты и пошел по ущелью вдоль ручья. Шел в темноте, не скрываясь, даже изредка особо сильно задевая сапогами камни.

Звезд не было, земли не видать, на память двигался. Сотый раз, считай, тропку эту проходил и вышел к караташу точно. Но, наверное, все-таки волновался и добрался быстрее. Сел я на корточки около камня. Маузер на всякий случай в рукаве шинели спрятал: не испарились же мои подозрения о басмаческом коварстве.

Тихо, так тихо вокруг, будто я один на всем свете. Дыхание свое слышу, да, обтекая какой-то камушек, вода позванивает тонко. Долго сидел, так долго, что в темноте стал видеть — светлеет полоска ручья. Бывает такое особо мрачными ночами.

Потом словно бы развиднелось чуть-чуть. Приметил я склоны ущелья, точно стены, высокие и плоские, взмывающие ввысь. И что-то черное, чернее склонов, и огромное то ли скатывается бесшумно, то ли спускается ко мне. Черное это, крупнее, чем камень караташ, самый крупный среди камней, к ручью покатилося. И на фоне светлеющей в ночи воды увидел я: перешагнул кто-то ручей. Человек, значит. Только такого огромного мне еще не приходилось встречать.

Поднялся я с корточек. Жду...

Громадина прямо ко мне идет. Значит, видит.

Подошел словно при свете дня. Обнял меня. Я рядом с ним, ну, ребенок пяти

лет. Рук у меня не хватило, чтоб обхватить его за пояс, выше не дотянуться.

«Ну, — подумал, — такой громадине и быка-яка до границы дотащить ничего не стоит!»

— Спасибо, сынок, что пришел, — прогудел Дердеш. — Храбрый мальчик, не побоялся ночью к басмачу прийти. Ты веришь мне... — Нагнулся, поцеловал. — Ты, как брат, ко мне пришел, как сын.

Стыдно мне стало за маузер в рукаве. Да уж никуда его не денешь.

— Садитесь, — говорю, — Дердеш-ака.

Присел он на этот самый камень — караташ, а я стою около — голова моя на уровне его груди. И такой он толстый — таких, как я, пятерых надо.

— Вот зачем, сынок, я попросил тебя прийти ко мне. Хочу задать три вопроса. Ответь. Потом расстреляй меня.

— Как это «расстреляй»? — обиделся я, но понял, что маузер в моем рукаве он почувствовал. — Я пришел не убивать вас, Дердеш-ака, а поговорить по-хорошему. Идите домой, к жене, воспитывайте детей. Работайте, как и работали раньше. Вы же бедняк. Вас насильно увезли в Кашгарию.

— Никто меня не может простить. Ни шариат не простит, ни советский закон. Ни шариат, ни закон, — Дердеш говорил негромко, глухо, но мне казалось, все ущелье, все урочище долины наполнял его скорбный голос. — Ни шариат, ни закон. Нет мне прощения у людей. Одиннадцать лет я служил басмачам. Они убивали, грабили и жгли. Все видел, и хоть я пальцем не касался их жертв, но и не тронул ни единого басмача. Все видел и ничему не помешал... Кому скажу, что сердце во мне кровью обливалось, когда другие сердца мертвы?

— Есть такой закон, Дердеш-ака. Это советский закон. Разве ты виноват, что тебя украли?

— Я должен был умереть.

— Нет. Вы, Дердеш-ака, должны жить для своих сыновей, работать, как трудятся все дехкане, ради новой жизни без баев. Закон Советской власти — не месть. Он прощает и настоящих басмачей. Кто не сразу разобрался, где подлинная правда. Век от века люди существовали по законам шариата и привыкли повиноваться. Меч и плеть, темницы и оковы испокон века преследовали бедняков. Теперь у нас, дехкан, есть народная власть, есть оружие. Мы этим оружием изгоним или уничтожим баев, манатов — старейшин рода. И не станем повиноваться муллам и пирам.

— Я не могу простить себя... Ответь мне, сынок, на три вопроса и застрели.

— Ответить отвечу. Стрелять не буду. Разве вы не хотите вернуться к детям и честно трудиться? Возвращайтесь.

— Ответь мне на первый вопрос, сынок. Зачем дехкан загоняют в колхозы, в кошары, где спят вповалку мужчины и женщины?

— Разве ваша жена, Дердеш-ака, живет в кошаре и спит вповалку с другими мужчинами? Или ваша сестра живет так? А они — колхозницы.

— Разве тебе, сынок, начальнику Советской власти, курбаши большевиков, хотелось встретиться со мной? — тихо спросил Дердеш-мерген.

— Я готов встретиться с каждым, кто хочет вернуться в родной дом, а не разбойничать и грабить.

— Скажи, правда ли, тех, кто сдается, вместе с семьями отсылают в Сибирь?

— Сибирь, говорят, большая страна, Дердеш-ака. Однако разве в Сибири живут бывшие басмачи из отряда старшего сына Джаныбека, которые сдались в ущелье Тон-Мурун?

— Значит, правда, ты убил старшего сына Джаныбек-казы?

— Старший сын Джаныбека погиб в ущелье Тон-Мурун, но я его не убивал...

В гостинице не было пиал, и мы пили чай из стаканов. Стакан Абдылды Исабаевича опустел, и я, будучи хозяином, предложил свежего чаю.

— Хоп, — сказал Исабаев.

— А что это за история приключилась в ущелье Тон-Мурун? — спросил я.

— Тон-Мурун в переводе означает Мерзлый нос. Ущелье расположено высоко-высоко в горах. Там очень холодно зимой. Мороз до сорока градусов доходит. Затворы винтовок приходилось тряпками обертывать. Коснешься металла — кожа обдирается. Масло стынет, стрелять плохо. С коней удила снимали, чтоб не поморозить губы лошадям. На той высоте воздуха не хватает, пройдешь несколько шагов, сердце заходится, кровь из носа идет, из ушей. Гибнет человек.

Вот в январе тридцать первого года наш отряд и встретился там с бандой старшего сына Джаныбека. Шестьдесят человек их было. Нас тридцать. Неожиданно столкнулись. Схватились за сабли — из ножен не вытащишь. Я маузер из-за пазухи выхватил.

А старший сын Джаныбека с лошади соскочил и побежал к камням, хотел спрятаться там, отстреливаться. Но не добежал. Сердце не выдержало. Сдох он. Остальные сдались.

— Почему? — спросил я. — Ведь их было вдвое больше.

— А почему Дердеш-мерген пришел? Верили и не верили басмачи своим курбаши, будто кызыл-аскеры — красные бойцы, — звери. Курбаши нет — погонялки нет. Ты не в Кашгарии, а на своей родной земле, против тебя стоят такие же бедняки, как и ты, но которые баев выгнали. А кто такие баи, рядовые басмачи знали и долги свои неоплатные знали. Избавиться от баев — избавиться от долгов, свободным быть.

Это сейчас трудно понять и еще труднее объяснить. Нам, старикам, видно очень хорошо, какие огромные сдвиги произошли в сознании молодых людей, да и в нашем тоже. Кто сейчас из молодых может хоть на минуту себе представить, что какой-то человек, имеющий много денег, может перекрыть воду и не пустить ее на поля? Кто может представить, что огромное поле принадлежит одному человеку, а другие растят и убирают хлопок только за еду, за лепешку и шурпу?

В ущелье тогда друг против друга стояли братья, родственники. Одни хотели сами быть хозяевами своей судьбы, другие шли на поводу у старых понятий и представлений: защищали своих врагов — баев. Не будь у баев этих обманутых — не смогли бы баи быть баями. А когда обманутые поняли, что их обманули, — исчезли и баи, и родовые старейшины.

И еще, люди хотели жить. Не в изгнании — у себя дома, в своей стране, на родной земле, не скитаться в чужом мире, где все чуждо. Я не говорю об отпетых. Их было мало: одни хотели вернуть награбленное у народа добро, другие так

привыкли жить разбоем и грабежом, что уж об ином и не думали...

Абдылда Исабаевич закурил.

Теперь я четко понимал, что, хотя Исабаев и говорил «я», рассказывал он не только о себе, но и о своих товарищах, которые жили и действовали так же, как и он сам. Для Абдылды Исабаевича кузнец Дердеш-мерген являлся лишь одним из очень многих людей, с которыми его сталкивала судьба, служба, служение делу возвращения человека в Настоящую Жизнь.

— Поверил вам тогда Дердеш? Или сомневался? — спросил я Исабаева.

— Раз он пришел на встречу со мной, значит, уже верил. Впрочем, — Исабаев глубоко затянулся, — думаю, грози ему расстрел, он все-таки пришел бы.

— Почему? — я не удержался от вопроса.

— Не слухи, точные сведения доходили до ушедших за баями дехкан, что Советская власть не мстит обманутым, боровшимся против нее, если те складывали оружие.

Другая причина — тоска по родине, которая не покидает человека ни днем ни ночью. Но и при солнце, и при луне на своей земле басмач был не только чужаком, а врагом, человеком вне закона. И как все это мог снести киргиз, увидавший свою жену и своих сыновей! Сыновей, выросших без него.

Знал, видимо, Дердеш-мерген, что не убивал я старшего сына Джаныбека. Тогда Дердеш задал третий вопрос:

— Почему здесь мои сыновья и жена, мой племянник и его мать?

— Они очень ждали вас, Дердеш-ака. Я помог им оказаться здесь. Вот спустимся по тропинке — там их юрта стоит. Дрова они заготавливают для строителей Памирского тракта — дороги на Хорог. Пойдемте, вместе с сыновьями и племянником кушать будем, чай пить.

— Стреляйте... Только не трогайте сыновей и племянника.

— Слушать не хочу, Дердеш-ака! Мне не верите — моему начальству поверьте. Или вы не знаете, что жив и работает курбаши Кулубаев? Он грамотный. Он председателем колхоза стал. Кто его обижает, если он честен?

— Знал я Кулубаева...

— А мне, Дердеш-ака, можно вопросы задавать?

— Спрашивай, сынок. И стреляй...

Последние слова я мимо ушей пропустил:

— Вы один пришли сюда, Дердеш-ака?

— Нет. Вдвоем.

— Кто второй?

— Это сволочь! Джельдет, палач.

— Где же он?

— Отослал я его к почтовому камню. Разве я мог встретиться с вами при нем?

Он тут же убил бы вас. Он только завтра вечером придет.

— Куда?

— Ко мне. Где я скрываюсь.

— Где же вы скрываетесь?

— Неподалеку. У зеленого камня. Тут в полуверсте, высоко в скалах, пещерка есть. Там мы и скрываемся. Не можем выйти. Все время, днем и по ночам,

патрули ходят.

— А почему вас сюда послали? Что вам здесь надо?

Дердеш долго молчал, сидел неподвижно. Мне показалось, окаменел он, такой же темный и неподвижный, как и караташ. Я понимал, почему молчит Дердеш: скажи — за чем, спросят — где то, «за чем» пришли. Получается, выдаст он глубокую тайну Джаныбека, за сохранение которой уже пятнадцать вернейших слуг, преданных, будто псы, поплатились головой. И не поплатится ли он, Дердеш-мерген, жизнью за только что обретенную свободу?..

— Знаешь, сынок... Ты прав, спросив, зачем мы пришли... Я был в своей юрте. Я видел и обнимал своих сыновей. И не хочу жить без них...

Дердеш вздохнул, поднял голову к небу. И я тоже. Крохотная звездочка желтой искрой скатилась к земле, погасла. А я-то не заметил, как ветер над горами растащил тучи, синяя глубина очистилась и все светила смотрели на нас.

— Вот, сынок... Зачем мы пробирались сюда?.. Есть у Джаныбека сокровищница. Богатая казна. Слышал — в Джушалинском ущелье Кызылжар — Красная скала? Вот в ней и спрятаны сокровища: золото, серебро, рис, пшеница, утварь ценная. Все там есть. И винтовки там есть — хорошие и которые надо ремонтировать, а я не успел. Против скалы живет Мамбетбай. Как раз против скалы стоит его юрта.

Теперь я замер. Я вправду боялся пошевелиться. Аксакал, уважаемый человек, Мамбет бывал проводником наших пограничников. Никогда не отказывал им в помощи и всегда выводил подвижные группы туда, куда его просили, — в тылы басмаческих банд.

— Мамбетбай охраняет сокровищницу. Он — третий, кто после Джаныбека и меня знает теперь о тайнике.

«Так кто же ты, Дердеш-мерген? — подумал я. — Басмач-исмаилит, который прикидывается сдавшимся, клеветает и жалит насмерть хорошего человека Мамбета, пусть бая в прошлом, а теперь проводника пограничников? Или прикидывается Мамбет? Сразу тут ничего не решишь... А как узнать правду об обоих?»

Не нашел я ответа и сказал:

— Дердеш-ака, что мы торчим здесь?' Нас ждут в юрте твои сыновья и племянник. Пойдем поедим, отдохнем.

И мы пошли. Впереди — гора Дердеш, а я — за ним, Я шел и то и дело спотыкался в темноте — меня одолевали разные мысли. Задавал себе вопрос: кто такие Дердеш и Мамбетбай? Но, ничего не придумав, решил: позвоню утром в окружной центр своему начальству и посоветуюсь. Обещание Дердеша показать сокровищницу Джаныбек-казы, за которой мы охотились едва не год, было достаточно важным. Хотя, конечно, к начальству лучше обращаться с готовым решением, а не разводить в растерянности руками, когда тебя спросят, что именно ты собираешься предпринять.

Мы подошли к юрте. Залаяли собаки. Они метались вокруг нас кругами, но нападать не решались. Из юрты вышли женщины и дети. Абдулла подбежал ко мне и стал обнимать, приговаривая:

— Спасибо, Абдылда-ака, спасибо! Вы привели дядю.

Дердеш сказал:

— Женщины, моя жена и сестра, благодарите этого человека. Он вернул меня к вам. Ой говорит — мне нечего бояться, — и я ему верю.

Тогда женщины подошли ко мне, обнимали и шептали слова благодарности.

Взяв сыновей, точно пушинки, на руки, Дердеш боком, склонившись, едва протиснулся в дверь юрты. Внутри светила керосиновая лампа и вкусно пахло хорошо проваренным мясом и свежими лепешками. На дасторконе стояла миска с конфетами, лежала горка янтарных боорсоков, пахнущих хлопковым маслом, в котором они жарились. Боорсоки — попросту пончики из пресного теста, самой разнообразной формы — квадратные, продолговатые, треугольные.

Я снял сапоги у входа и прошел на кошму.

Женщины засуетились у печки, стоявшей посередине юрты. Только теперь я почувствовал, что ночь за кошмами холодна. Запахло зеленым чаем. На дасторконе появился вместительный парующий фаянсовый чайник с металлическим носиком вместо отбитого. Жена Дердеша как старшая из женщин сделала кайтарыш: несколько раз наливала чай в пиалу и отправляла кипяток обратно в чайник, пока напиток как следует не заварился. Потом она передала пиалу с глотком чая Дердешу, а тот передал ее мне с поклоном, прижав ладонь к груди. Я тоже принял пиалу, поклонившись и прижимая руку к груди. Но пить не стал, пока старший по возрасту и хозяин — Дердеш не пригубил пиалы. Мы смаковали чай крошечными глотками, хотя очень хотелось пить. У Дердеша прямо-таки дрожали руки от счастья, что он пьет чай, поданный женой в своем доме. Великан сидел, поджав под себя ноги, а по обе стороны от него — два его сына-близнеца. Один сумел остаться серьезным, только блестящие глаза выдавали его волнение, другой потихоньку вцепился в полу отцовского халата и глядел на Дердеша, забыв о еде.

После чая женщины подали мясо, большое блюдо душистого мяса, и мы ели его с аппетитом.

— Мне пора, Дердеш-ака. Вы оставайтесь с детьми, отдохайте.

— Как же так? — забеспокоился Дердеш. — В пять утра придет патруль и заберет меня. Арестуют!

— Никто не придет. Я сниму патрулирование. — Однако я подумал, что начальство мое может и не одобрить таких действий. Но что делать? Иначе-то поступить я не мог. — Спи спокойно, Дердеш-ака. А к вечеру я приеду. Нам надо о многом поговорить.

Дердеш вышел проводить меня, стремя подал, оказывая высокую честь и доверие.

Я оставлял Дердеш-мергена на попечение его племянника, хотя прекрасно понимал: если приспичит Дердешу уйти, он уйдет. А коли он исмаилит, то и через труп племянника перешагнет не раздумывая. Но как иначе поступить? И что бы мог сделать другой, окажись на моем месте? Правда, встретившись с патрулем за въездом в ущелье, я приказал бойцам не приближаться к юрте, а издали, километров с двух, наблюдать за всем происходящим, отметить, кто, куда и на сколько уйдет.

— К вечеру я приеду с начальством из Оша. Тогда доложите.

Никогда, пожалуй, мой добрейший и послушный конь не чувствовал на своих боках камчу. Однако в то раннее утро я не считал ударов плети. В Гульчу добрался очень быстро. С бешеной силой завертел я ручку телефона, вызывая управление милиции, потом ОГПУ, погранкомендатуру. Наконец дежурный поднял трубку. Мы с тогдашним комендантом хорошо знали друг друга.

— Я видел Дердеш-мергена! — кричу в трубку.

Он смеется в ответ:

— В Кашгарии?

— Он спит в своей юрте! Он вернулся домой, к семье! Сдался!

— А Джаныбек-казы не с ним, случайно? Где правая рука, там и голова должна быть рядом.

— Я не шучу, Галицкий. Приезжай, я познакомлю тебя с этим человеком-горой.

— Пока ты убеждал меня, я уже вызвал машину. До скорого!

От окружного центра — Ош, до Гульчи больше восьмидесяти километров. По тем временам расстояние солидное, если учесть, что нужно преодолеть три перевала высотой до четырех тысяч метров. По моим расчетам, окружное начальство должно было появиться к вечеру.

Честно говоря, я очень гордился собой в те часы. Вновь и вновь перебирал я подробности своей встречи с Дердеш-мергеном и не замечал ни единой оплошности в действиях, как вдруг, словно меня кто по затылку ударил:

«А Осман-Савай? Придет джельдет — этот башкосек, не увидит Дердеша. Что сделает? Искать пойдет! Найдет. Что будет? Что предпримет Дердеш, который конечно же не забыл об Осман-Савае? Как поведет себя молодой и неопытный в делах Абдулла?»

Радости в моей душе как не бывало. Я не понимал даже, почему ж так получилось, почему у меня из головы вылетел Осман-Савай? Как же я забыл про Мамбета, что сторожит сокровищницу курбаши?

Горькие размышления — плохое подспорье. А ничем иным я не мог заниматься. Предпринимать что-либо оказывалось поздно — я не успевал по времени попасть в Булелинское ущелье до вечера. И никто не знал часа, когда вернется в пещеру к Зеленой скале этот самый джельдет-башкосек и знает ли Мамбетбай о появлении Дердеша.

Головокружение от успеха — самое последнее дело в нашей работе, враг номер один. Я поддался соблазну легкой победы и должен был отвечать за все возможные последствия.

Солнце стояло еще высоко, когда у здания райотдела милиции остановилась запыленная машина. Из-под крышки радиатора шел пар, словно из самовара. Приехавшие — Галицкий, Парфентьев и Клосовский — набросились на меня с вопросами. Я все рассказал. Они не похвалили меня. Потом мы молча сели на коней и отправились к юрте Дердеша.

В гирле ущелья патрульные сообщили нам, что вскоре после полудня какой-то огромный человек вышел из юрты и скрылся в зарослях арчевника. Больше они его не видели.

Едва ли не проклятия посыпались на мою голову. Смысл слов был один:

— В Кашгарию ушел Дердеш! Смылся! Расчистил себе безопасную дорожку и ушел!

— Тогда он взял бы и семью, — настаивал я.

— Он твердо уверился: Советская власть не воюет с женщинами и детьми.

— Если он ушел, — рассердился я, — сам пойду в Кашгарию и приведу его обратно!

Это, конечно, я выкрикнул в запальчивости. Товарищи поняли мое состояние и не стали бранить меня. Галицкий только рукой махнул:

— Следовало пустить патруль к пограничному перевалу. Тогда путь к отступлению у Дердеш-мергена оказался бы отрезанным.

— Я верю Дердешу. Появление патруля перед границей он принял бы как акт недоверия. — Я действительно твердо верил в слова Дердеш-мергена. — Обычай народа бывают сильнее разумных доводов. Не стал бы Дердеш накликать несчастье на своих сыновей и племянника только ради того, чтобы уйти.

— Все сказанное тобой верно. Но ведь тайника-то Дердеш тебе не показал.

Мы поскакали к юрте. На топот коней выскочил заспанный Абдулла.

— Где Дердеш? — крикнул я, резко осаживая коня около него.

Абдулла спокойно сказал:

— Пошел за Осман-Саваем.

— Час от часу не легче, — нахмурился Галицкий.

— Абдулла, когда он обещал вернуться? — волновался я. — Когда?

— Вечером... — Абдулла глянул на меня удивленно, не понимая нашей тревоги. — Увидев много людей, Осман-Савай мог почуять недоброе.

Женщины пригласили нас пить чай, но мы отказались. Мол,ждемся Дердеша. Мы уехали от юрты, поднялись в заросли арчевника на правом склоне ущелья. Оттуда просматривалась тропа, ведущая к перевалу, к границе. Галицкий достал бинокль.

— Вон он! Топают к границе. Глянь-ка!

Я посмотрел. Далекая даже в бинокль фигура Дердеша мелькнула среди зарослей и скрылась. Тропа усердно петляла на склоне, то приближаясь к перевалу, то уходя от него в сторону. И трудно было за несколько секунд разобраться: действительно ли человек, идущий по ней, направляется к границе или наоборот. Особенно, если, волнуешься.

До вечера еще оставалось время. Но вечер в горах наступает по-своему и быстро. Солнце коснулось зубчатых скал, образовавших ущелье. Длинные косые тени простерлись от деревьев и самого малого камня в сторону дна. На левом склоне тени переплелись густо, игра света стала беспорядочной, сбивала с толку. И когда я снова на несколько секунд различил фигуру Дердеша, мне тоже показалось, что он идет в сторону Кашгарии. А под рукой он нес какой-то куль. Его увидели все и без бинокля — полосатый халат на фоне белой скалы.

— Так что ты думаешь предпринять, товарищ Исабаев? — спросили меня.

— Ждать.

— Сколько?

— Пока он не придет.

— С поклажей из сокровищницы Джаныбека?

— Вы же видели, женщины спокойны, Абдулла спокоен...

— Пограничные секреты задержат его на перевале, — сказал Галицкий. — Услышим перестрелку, если Дердеш будет сопротивляться.

— Он нужен живым.

— Дердеш придет, — сказал я.

Солнце, словно истаивая на глазах, опускалось за горы с правой стороны ущелья. Теперь уже не тени, а сумрак лился вниз. Сумерки окутали место, где мы стояли. Но противоположный склон еще был освещен. В вышине над ним пластались перистые ярко-белые облака. Затем они порозовели. И тогда со дна ущелья к вершинам противоположного склона стремительно рванулась тьма, снизу вверх. Тьма наполнила ущелье до краев. Лишь высокие облака, пунцовые, налитые закатом, сияли над черными зубьями. Но их свет в поднебесье, казалось, лишь сгущал темноту теснины.

Сразу похолодало, и рыжий пар вырывался из конских ноздрей, когда застоявшиеся лошади фыркали и вздыхали.

Мы молча стали спускаться к юрте. Лошади на крутом склоне ступали осторожно, не спеша, часто поворачивая голову из стороны в сторону, инстинктивно чуя опасность. Бросив поводья, я стал в стремянах, чтоб облегчить коню спуск, не мешать.

Наконец мы выбрались на ровное место, свернули за увал и увидели костерок около юрты — прямой столбик белого дыма поднимался над пламенем. У огня сидели жена и сестра Дердеша, его сыновья и племянник. Абдулла поднялся и шагнул нам навстречу.

— Дядя задерживается, — сказал он.

— Похоже... — пробормотал я, слезая с лошади.

Тут от ручья к поляне поднялся сам Дердеш. Он, право, был ростом с лошадь в холке, и плечи его — под стать лошадиным. А под мышкой он нес кого-то, виднелись лишь подошвы сапог.

— Вот, начальник, Осман-Савай, — сказал Дердеш и резким движением бросил к моим ногам чье-то тощее тельце. — Брыкался, да, видно, устал.

Оказавшись на земле, человек вдруг заюлил, завертелся, вскочил на ноги, запрыгал, спутанный, норовя ударить Дердеша головой в живот. Ярость бритоголового с выпученными круглыми глазками Осман-Саваея была неистовой. Не будь у него во рту кляпа, ущелье наполнилось бы, наверное, диким визгом.

У Галицкого оказался в руках револьвер, и только под его дулом джельдет-башкосек успокоился. Мы знали Осман-Саваея по описаниям, но никакие самые омерзительные сравнения не оказались бы для него преувеличением.

— Если ты будешь вести себя тихо, — сказал Галицкий по-киргизски, обратившись к Осман-Саваею, — я прикажу вынуть кляп.

Осман-Савай закивал часто и мелко.

— Пить, пить, — попросил он первым делом.

Он напился из моих рук и прилег тихо между мною и Галицким.

— Почему, Дердеш-ака, вы не сказали мне, что пойдете за Осман-Саваею?

— Начальник не спрашивал — я не говорил. Нужно было джельдета по дороге встретить. От пещеры, где мы прятались, юрта словно на ладони видна. Почувяв

неладное, он мог не вернуться в пещеру. Пошел бы предупредить...

— Все понятно, — прервал его Галицкий. — Дердеш-мерген, вы точно знаете, где тайный склад Джаныбека?

— Да.

Осман-Савай ошалело глянул на Дердеша, потом упал ничком, сжался и зашипел проклятия.

— Мы очень хорошо осматривали ущелье и скалу, о которой вы говорите, — сказал Галицкий. — Это монолит высотой шестьсот метров. Там негде спрятать ни оружия, ни продовольствия.

— Плохо смотрели, начальник! — улыбнулся Дердеш.

— Хорошо смотрели. Может быть, мы о разных скалах говорим? Их много в ущелье.

— Против той Мамбетбай живет. Он и сторожит сокровище.

— Мамбетбай?.. — Галицкий постарался не показать себя ошарашенным, но крайнее удивление прозвучало в его голосе явно.

Все приехавшие со мною слышали от меня о Мамбетбае-предателе. Но одно дело — услышать от меня, и совсем другое — от Дердеша, пришедшего с той стороны, из-за границы.

— Да. Мамбетбай.

— Значит, Мамбетбай — предатель?!

— Нет, — сказал Дердеш. — Он верно служит курбаши. Он его человек. Вы всегда преследовали тех басмачей, которых хотел уничтожить Джаныбек-казы. Но никогда — его самого.

— Вы уверены, что Мамбетбай знает о сокровищах? — спросил Галицкий.

Дердеш пристально посмотрел на него:

— Он — ваш проводник. Вы верите Мамбетбаю. Но служит он Джаныбеку.

— Красный пес! — заверещал Осман-Савай. — Да будь проклят твой род!

Дердеш нахмурился:

— Твои проклятия, джельдет, подтверждают, что я говорю правду. Мамбетбая ты не раз видел вместе с Джаныбек-казы.

— Возможно, — сказал Галицкий, — только его проклятий и ваших слов жало. Мы доверяли Мамбету. Вы можете доказать, что он знает о тайнике? Он действительно живет против Красной скалы. Мы каждый день проезжаем мимо, но не знаем ничего о сокровищах, спрятанных в ней, хотя исследовали местность очень внимательно.

— Вы сами, начальник, были на скале? — спросил Дердеш Галицкого.

— Да.

— Вы вспомните... Там, где скала почти вплотную притиснута к горе, заметен свежий излом?

— Говорят, эта трещина появилась после землетрясения в тысяча девятьсот одиннадцатом году.

— То, что вы посчитали за трещину, на самом деле лаз в пещеру. Огромный кусок скалы отошел от Кызылжар в провал.

— Осман-Савай знал о сокровищах? — настойчиво спросил Галицкий.

— О сокровищах знал, но не знал места. Джаныбек-казы приказал мне не

подпускать его к тайнику. Поэтому я отправил его к почтовому камню, а сам за это время должен был взять из сокровищ деньги и под охраной Осман-Савая доставить в Кашгарию. Но я не пошел за сокровищами, ждал встречи с семьей. А увиделся и с племянником. Я слышал — советский закон не мстит. Начальник Исабаев подтвердил: таков советский закон. Если нет — расстреляйте меня. Только семью и племянника с сестрой не трогайте. Они ни в чем не виноваты.

Дердеш начинал нервничать. Я постарался его успокоить, заверив, что пограничный начальник не хотел обидеть его.

Думал Дердеш долго. Он сидел молча, уронив руки на колени, и старался сообразить: чего, собственно, от него хотят?

Тогда я постарался натолкнуть его на мысль:

— Вот если человек, которого мы, предположим, пошлем к Мамбету, скажет: «Я от Дердеша» или «Я от Джаныбека», — поверит ему Мамбет?

— Слову не поверит.

— А чему поверит?

Дердеш полез за пазуху халата и достал продолговатый, в два пальца, камень:

— Вот если человек, которого вы пошлете, передаст Мамбетбаю этот обломок, Мамбетбай поверит полностью.

Я взял камень и с пристальным вниманием осмотрел его при пляшущем свете костра. На камне не было ни знаков, ни царапин, просто сколок от большого камня, и все. Потом его разглядывал Галицкий, другие товарищи и тоже никаких особых примет не нашли.

— Чего вы ищете? — спросил Дердеш. — Камень — сколок. Но никакой другой не приляжет так плотно на то место, откуда его отбили.

— А откуда он отбит? — спросил я.

— Не знаю. И никто, кроме Мамбетбая, не знает. И только после проверки Мамбетбай примет человека, как своего. Пусть к нему пойдет Абдулла — мой племянник. Ведь никто, кроме Джаныбека и меня, не ведает, у кого в руках сколок превратится в ключ к сокровищам.

— Понятно... — протянул Галицкий. — Но...

— Даже если бы вы обнаружили сколок на моем трупе, вы не могли предположить, что он значит. Мамбетбай, если это нужно, успеет прибыть сюда к утру, а вы знаете, он не станет по пустякам трястись ночь на осле.

— Хоп! — сказал Галицкий.

И я повторил вслед за ним:

— Хоп!

— Можно ехать, товарищ командир? — спросил Абдулла.

— Поезжай. И пусть Мамбетбай будет здесь к рассвету. Скажешь: «Дердеш заболел и сам не сможет выполнить поручение Джаныбек-казы».

Когда Абдулла уехал, Галицкий приказал перекрыть вход в Булелинскую щель: всякого впускать и никого не выпускать.

Мы сели у костра и стали пить чай, совсем не ощущая его вкуса.

Мамбетбай явился на утренней заре. Мы задержали его и нашли при нем маузер и пять тысяч рублей в золотых монетах царской чеканки. Отвечать на вопросы Мамбетбай отказался. Но мы не нуждались в его показаниях: маузер и

золото свидетельствовали красноречивее слов — Мамбетбай знает о тайнике, он его хранитель и служит он курбаши басмачей Джаныбек-казы.

Вот тогда мы и отправились к Красной скале. Дердеш-мерген показал нам удобный путь на ее вершину. При осмотре скалы во время поисков тайника мы пользовались труднейшим путем — шли снизу, карабкаясь по головокружительному отвесу, со страховкой, вбивая альпинистские крючья. А Дердеш повел нас в обход по тропке, начинавшейся примерно в километре от Кызылжар. Мы без особого напряжения одолели подъем и оказались в пятидесяти метрах от каменной плиты — вершины скалы. В ход пошли веревки. Мы благополучно спустились на плиту.

— Смотрите, — сказал Дердеш-мерген, — вот трещина — вход в пещеру. А вот на красном песчанике царапины — следы от веревок, по которым спускались туда люди Джаныбека, когда прятали сокровища.

— Вот совсем свежий след! — сказал Галицкий, показывая на едва приметную царапину и крошки по бокам от нее.

— Правильно, начальник, его, верно, оставил сегодня ночью Мамбетбай.

— А вот место, куда он вбивал крюк, чтоб веревку закрепить. — Галицкий очень увлекся исследованием следов, потом сказал: — Век живи, век учись...

Первым начал спуск Абдулла, племянник Дердеша, — самый юркий и легкий из нас.

— Не спеши, — напутствовал его Дердеш, зажигая фонарь и привязывая его к поясу парня. — Может, Мамбетбай там ловушку какую поставил. Он молчит. Похоже, неладное что-то со спуском.

— Спасибо, ака, я буду осторожным.

Мы с Галицким хорошо проверили узлы на веревках и пожелали Абдулле доброго пути.

Абдулла полез в трещину, а мы страховали его. Очень долгим показался нам спуск Абдуллы в теснину глубиной двести метров. Но вот веревка в наших руках ослабла, потом задергалась и, измененный глубиной и эхом, донесся голос Абдуллы:

— Тут целый город! Тысячи полторы баранов поместятся. Чего только здесь нет! Рис, зерно! Я один ничего не сделаю!

За Абдуллой спустился я.

Действительно, сокровищница Джаныбека была сказочной. Не перечислишь всего, награбленного им. В тот день мы подняли наверх только драгоценности: восемнадцать тысяч рублей золотом в пяти и десятирублевых монетах царской чеканки; на двадцать две тысячи рублей всяких серебряных монет. Семнадцать джамбы — слитков золота и серебра. Женские и мужские украшения, дорогую утварь, драгоценную конскую сбрую. Все это едва поместилось в семнадцати больших корзинах. Ценности сдали в банк.

Но главное — рис, зерно. Как они нужны были голодающим на скудном пайке дехканам! Недели две караван из шестнадцати верблюдов возил в село продукты из тайника Джаныбек-казы в сельпо. Не один месяц кормились дехкане округи тем, что награбил у них курбаши. Бывший курбаши. Нищий курбаши мог только волком выть, а воя бояться только бараны.

Вот и все... — закончил Исабаев.

За окнами гостиницы за недалекими снежными вершинами гор догорал закат. Словно вернувшись из прошлого, я с трудом привыкал к обыденным звукам, доносившимся с улицы.

Абдылда Исабаевич закурил. Лишь по яркому огоньку спички я понял: давно пора включить свет.

— Подождите, подождите, Абдылда Исабаевич! Как это «все»?! А что было дальше? Какова судьба Абдуллы Джумалиева?

— Он погиб на фронте во время Отечественной войны. Геройски погиб.

— А Дердеш-мерген?

— Дердеш-мерген и потом очень много помогал нам в ликвидации басмаческих банд.

— Хороший был человек Дердеш-мерген... — сказал я.

— Был? Почему «был»? Он жив.

— Жив? Дердеш-мерген жив?

— Да! Ему девяносто шесть лет. Живет в Гульчинском районе, в колхозе имени Ленина. Двое его сыновей с ним живут. Работают: один — зоотехником, другой — бухгалтером. «Был»... Почему «был»? — пробормотал недовольно Исабаев. — Жив Дердеш!